

Станислав Стратиев

По другую сторону

Станислав Стратиев
По другую сторону

www.stanislavstratiev.org

По другую сторону

© Станислав Стратиев, 1993. Все права защищены.

© Aeolus Project, 2011. Все права защищены.

Перевод с болгарского Валентина Полянова.

Все права на текст пьесы защищены. Не допускается копирование, распространение, опубликование, публичное исполнение, перевод на иностранные языки, постановка спектакля по пьесе, или иное использование текста, без получения письменного разрешения праводержателей.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Первый старик

Второй старик

Третий старик

Четвертый старик

Старушка

Участвуют также жители города, продавец сахарной ваты, полицейский, продавец биноклей, иностранец, случайные прохожие.

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Холл. На стенах – картины. Вдоль стен – шкафы с книгами. Старинные люстры, ковры. Мебель красного дерева. В центре – двустворчатая, массивная дверь, украшенная резьбой в стиле барокко, тоже красного дерева. Дверь наглухо закрыта. Она занимает господствующее место, сразу бросается в глаза. И запоминается. На авансцене – кресло в стиле барокко, передом к зрителям, спинкой – к двери. В кресле сидит старик лет семидесяти пяти. Старик, задумавшись, предается воспоминаниям, его слова воспринимаются, как мысли вслух...

Старик. Смеху было... Мы просто покатывались... Попугай вошел... еле живой... через эту самую дверь... естественно, не настолько плотно закрытую... Мы ее никогда не закрывали... Всегда держали открытой... Дети были маленькими и шныряли по дому, как букашки... (Пауза.) Попугай вошел, зыркнул на нас злобно и поковылял дальше, еле передвигая ноги и спотыкаясь... Доплелся до середины холла и упал... Мы сидели окаменев... Потом встал, отряхнулся, расправил лапки и уже бодрым шагом направился к клетке... Мы смотрели на него, потрясенные, ведь мы видели его мертвым. Этим утром. Ноги были такие прямые что дальше некуда... А когда я вернулся в обед, наш младший сын все еще плакал. Не мог остановиться. Дело могло кончиться истерикой, и я сказал, что, если он перестанет плакать, я воскрешу попугая. Я намеревался сбегать на рынок и купить похожего... Сын перестал плакать и посмотрел на меня недоверчиво... И тут вошел попугай... через эту самую дверь... Он шатался, но тем не менее шел... Все домочадцы уставились на меня с суеверным ужасом... Они были уверены, что я его воскресил...

А когда мы во всем разобрались, то чуть не попадали со смеху... Оказалось, жена моя перепутала бутылки и вместо воды налила попугаю анисовой водки. Мы держали для него воду в такой бутылке... Попугай выпил граммов пятьдесят и – оцепенел... Смеху было... Мы просто покатывались... (Пауза.) Не проходило и дня, чтобы все не помирилось со смеху...

Сидим, бывало, вроде чем-то заняты, а на самом деле слушаем, что говорит наша семилетняя дочка... Она объясняет младшим братьям суть разных житейских вещей... Принесла из кладовки зонтик, показывает им и поясняет: "Это зонтик, – говорит она, – он открывается и закрывается... Дверь тоже... Но это не то же самое. Потому что, когда закроешь дверь, никто не может войти. А когда закроешь зонтик, то входит дождь"... Мы еле сдерживались, прятали лица за газетами... "И у одного и у другого есть ручка, – продолжает дочка. – Но вы их не путайте"...

Она встала и притащила откуда-то мышеловку с "пойманным" старым ботинок. "Вот мышеловка и ботинок, – сказала она. – Ботинок ловит ногу, а мышеловка – мыш. Но это не одно и то же. Потому что ботинок отпускает ногу, когда ложатся спать, а мышеловка мышку не выпускает. В мышеловку попадают и ботинки и мыши... Но ботинки –

одно, а мыши – другое... Ботинки стаптываются, а мыши – нет. Их съедают кошки”...

Братья терпеливо слушают, ничего не понимая, и смотрят сестре в рот...” Правда, у меня нету мыши, но... я могу нарисовать... Без головы”...

Тут мы не выдерживаем и открыто давимся смехом... Дочь смотрит на нас строго, пытается рассердиться, потом начинает смеяться вместе с нами... Малыши словно только этого и ждали – тоже захихикали... Смеху было... Дверь чуть не сорвалась с петель... Эта самая дверь... Тогда она оставалась закрытой не больше пяти секунд... Дети непрерывно... И мы обращали на дверь мало внимания... Все время смеялись... годами... Смеху было... (Пауза.) Да, мы ее просто не замечали... Складывалось впечатление, что ее вообще нет... Все проходили легко и свободно... в разные пространства... из одной комнаты в другую... Точно плавали... по воздуху... Не было ничего такого, что бы... Да, удивительная легкость... а может, просто молодость... Мы не придавали значения никаким дверям... Я годами не думал о дверях... Жил как дышал... Они не несли никакой дополнительной информации, никакого тайного смысла... не несли посланий... существовали исключительно на лексическом уровне... не вмешивались в мою жизнь... не принимали ничьей стороны... Можно сказать, я жил без дверей... Свободный... И, Господи Боже, как много мы смеялись тогда... Как смеялись!..

КАРТИНА ВТОРАЯ

Густой полумрак. Различимы только фигура и лицо Старика, который нервно прохаживается по сцене. Время от времени он останавливается, произносит несколько фраз и опять продолжает ходить... Позади него видны неясные очертания полок, предметов мебели, какие-то силуэты... Их можно только предугадывать...

Старик... Они нелепы... как на них ни смотри... Само их существование нелепо... А их происхождение... Я убежден: это была случайная блажь... абсолютно ущербная... Печальная ошибка... Трагическое недомыслие... Юное человечество просто не ведало, что творит... Смутные, мрачные начальные века... (Пауза.) ...Неразумное, зеленое человечество... Сколько явных признаков было против... Обрушение Вавилонской башни не было случайным... То был знак... Явное предупреждение... Примета... Легкомысленно пренебрегнутая... недооцененная... оставленная без последствий... не разгаданная... (Пауза.) ...Столько ясных знаков, и все они остались неисследованными!.. Да зачем далеко ходить – достаточно вспомнить ПОТОП... Ной подчинился сказанному и собрал древесный материал и все остальное, необходимое для создания ковчега, и на пятый день установил руль. Он построил ковчег в форме баржи, на которой соорудил здание высотой в сто

двадцать локтей, разделил его на шесть ярусов и в каждом ярусе обустроил девять отделений. Изнутри сделал отверстия для стока воды, осмолил его смолой снутри и снаружи. Наполнил несколько бочек оливковым маслом, кунжутным и виноградным вином. Погрузил в ковчег свое семейство, а помимо этого – диких зверей, "скотов чистых и скотов нечистых", пресмыкающихся и птиц небесных. А потом засмолил двери.

Все просто и ясно. А о них нигде ни слова. Их нет. Они просто не существуют. Ни в указаниях, ни в построенном Ноем ковчеге. Их нет в божественном плане, который в остальном точен до мельчайших подробностей.

А мы впоследствии выдумали их и размножили до бесконечности. Всюду... Куда ни глянь... Десятками. Сотнями. Тысячами. Миллионами и миллиардами...

Спрашивается – зачем они нам?.. Что нам дают?.. Нельзя ли без них?.. Что нас заставляет воспроизводить их круглосуточно?.. В чем суть этой унижительной зависимости?.. Разве они нужны нам как воздух или как хлеб?.. Я утверждаю, что они совершенно излишни. Не нужны. Рудиментарные отростки. Паразиты. Тысячи людей живут без них – и счастливы... *(Пауза.)* Но не все. Большинство ослеплено их блеском. Их обманчивой бездонностью. Их мнимой гладкостью. Их прозрачностью. Их обманчивой перспективой... Они способны вводить в заблуждение... Обольщать... Способны заставить нас поверить, что можно смотреть только в них... они чисты, как слеза, и беспристрастны, как лед... Большого вероломства я не встречал... А еще строят из себя самых преданных друзей... *(Пауза.)* Мне даже не хочется раскрывать их название. Будь на то моя воля, я бы устранил из словарей это понятие... Я бы запретил их звукам колебать дрожащий воздух... Элиминировал бы их все... до одного *(Пауза.)* ...Из-за них я не могу пользоваться своей комнатой... Постоянно сижу в кладовке или в ванном помещении... где очень влажно... И капает из крана... Правда, в первые минут пятнадцать это не производит впечатления... Но потом... нервы не выдерживают... В кладовке крана нет, но долго сидеть я там не могу... Там темно, а я не выношу темноты. В голову лезут всякие мысли... Но иначе расходуется много электроэнергии... И мне запретили зажигать лампу... *(Пауза.)*

Если бы не они, я бы мог спокойно расхаживать по комнатам. Доставать из книжного шкафа книги – то одну, то другую. Или, стоя у стола, набивать табаком трубку. В холле. Или за все время ни разу не повернул бы кресло спинкой к... *(Пауза.)*

Считаю, что даже с архитектурной точки зрения они – недомыслие... Расчленяешь целое! Повреждаешь сущность!.. Деформируешь единство!.. А во имя чего?

Чтобы иметь ОКНА!..

Как будто в муравейнике есть окна!.. Или в пчелином улье... в самой организованной структуре, сотворенной природой! Поистине

необъяснимо, зачем человеку вдруг понадобились окна!.. Чтобы врывались ветер, дождь, дребезжание трамваев, шум машин, запах бензина, звуки трубы, комары, осы, мухи и бабочки, яблочная кожура, окурки, обрывки бумаги, пыль, тополиный пух, прыгающие воробьи, пепел, фенолы и туман, воры, прелюбодеи, духота, крики людей и лай собак, засохшие листья. И чтобы во всем сообразовываться с окном... Всегда иметь его в виду... Держать в уме... "Не сиди у окна, простудишься!"... "Это окно расположено не на месте"... "Окно должно смотреть на море"... "Ты мне заслоняешь окно"... "Не ставь близко к окну"... "Когда проснешься, чтоб можно было посмотреть в окно"...

Какая безрадостная участь... Идиотская тирания – петля, добровольно накинутая на шею... Совершенно спокойно можно обойтись без окон... В природе их не существует... Лисьи норы, пещеры, дупла, иглу, гнезда, всевозможные убежища и обиталища, юрты, вигвамы испокон веков не знают окон... А ведь они – прообразы... Эталоны матушки природы... (Пауза.)

Везде, где только вижу, я истребляю слово "окно"... Соскребаю ножом, ножницами, гвоздем, ногтем... Соскабливаю и зачеркиваю... Будь в моей власти, я бы стер это слово в памяти каждого... и само понятие... и миллионы способов его применения... (Пауза.)

Пожалуй, зажгу лампу – ненадолго... В этой кладовке темно хоть глаз выколи... И меня заполонят всякие мысли... Щелкну выключателем... совсем ненадолго...

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Улица. Толпы прохожих. Продавцы сахарной ваты и биноклей, полицейский появляются последовательно. Головы большинства присутствующих горожан подняты вверх, взгляды устремлены на расположенное на восемнадцатом этаже окно, которое не видно зрителям, сидящим в зале... В толпе появляется человек с чемоданом, явно иностранец... Видно, что это человек, прибывший из других краев...

Иностранец. В чем дело? Что это за сборище?

Прохожий. А вы не видите? Сбрасывают какого-то старика.

Иностранец. Старика?! Откуда сбрасывают?!

Прохожий. Сверху. Вот, посмотрите: то ли с шестнадцатого, то ли с семнадцатого, нет – с восемнадцатого этажа.

Иностранец. Но это же чудовищно!..

Продавец биноклей. Ну, кому подзорные трубы, бинокли цветные, трехмерные!.. Любуйтесь с близкого расстояния на падающего старика!..

Пользуйтесь сезонной скидкой!.. Можно и напрокат!.. Для школьников и студентов – особая уступка!..

Первый горожанин. Дай один. Трехмерный. (Продавец останавливается и протягивает ему бинокль.)

П о л и ц е й с к и й (*подходит*). Граждане, не стойте под окнами! Не то свалится вам на головы, а виноватой окажется полиция!.. Разойдитесь! Будто не видели, как сбрасывают стариков?!..

В т о р о й г о р о ж а н и н. Ого, как он вцепился.

Т р е т и й г о р о ж а н и н. Держу пари, что выдержит не дольше двух минут!

В т о р о й г о р о ж а н и н. Если карниз не обрушится, продержится и семь. Глянь, какой он жилистый?

Т р е т и й г о р о ж а н и н. Спорим?

В т о р о й г о р о ж а н и н. На пять тысяч. (*Бьют по рукам, заключают пари.*)

Т р е т и й г о р о ж а н и н. А кто стоит у окна? Возле?..

В т о р о й г о р о ж а н и н. А, этот из местной администрации. Проверяет, уплачены ли налоги. (*Все смотрят вверх.*)

П р о д а в е ц с а х а р н о й в а т ы (*появляется со всем своим товаром*).

Сахарная вата!.. Очки солнцезащитные, подсолнечные семечки!..

Складные стулья... Зонтики...

Т р е т и й г о р о ж а н и н. У них одно на уме – налоги! Нет, чтобы наладить работу служб по сбрасыванию... Приходится родственникам самим справляться...

В т о р о й г о р о ж а н и н. Да кто нынче думает о нас, простых гражданах...

П е р в ы й г о р о ж а н и н. Но этот бинокль, похоже, не трехмерный!.. (*Предъявляет претензии продавцу биноклей.*)

Ф о т о г р а ф. Фото на память! С падающим стариком!.. Моментальные снимки!.. На фоне падающего старика!..

П о л и ц е й с к и й (*появляется опять*). Всем разойтись! Мешаете движению... Разойдись!..

Ч е т в е р т ы й г о р о ж а н и н. Извините, господин полицейский! Но ведь наша мэрия выступила с инициативой собрать всех стариков, подлежащих сбрасыванию, в одном месте, свезти их в воскресенье на стадион и перед матчем покончить с этим делом.

П о л и ц е й с к и й. Да, но эти, из спорт-лото, запротестовали. Они намерены сами заняться этим... Разойдись!..

КАРТИНА ЧЕТВЕРТАЯ

Фасад многоэтажного дома. В центре, под одним из окон седьмого этажа, уцепившись за подоконник, над зияющей пропастью висит старый человек. А далеко внизу, прямо под ним, протекает будничная городская жизнь: куда-то спешат прохожие, дети катаются на роликовых коньках, мчатся машины, с остановившегося грузовика снимают ящики с вином, улицу перебегают бездомный пес.

С т а р и к. Передавали, что ветра не ожидается... Лишь слабое перемещение воздушных масс... Насколько слабое – это еще вопрос...

Все-таки я думаю, что имелось в виду безветрие, полное отсутствие ветра. А так сказано для перестраховки... Метеорологи всегда так поступают... Движение воздуха, которое я ощущаю, не в состоянии покачать даже стрекозу... Слабое воздушное течение – вот точное определение... Причем это на уровне седьмого этажа. Внизу же, наверное, вовсе нет ветра... Так даже очень здорово: меня не раскачивает, а голубит... Никогда не предполагал, что за окном может быть так приятно... *(Пауза.)* ... Правда, левая рука немного занемела... но это естественно... в мои годы... С правой-то или все в порядке, или я ее просто не чувствую... Зато ноги, можно сказать, в отличном состоянии... Ноги у меня всегда были крепкими... В школе я побеждал во всех кроссах... В университете тоже... Сейчас они мне кажутся чуть теплее обычного... Что даже лучше. От такого слабого воздушного течения тоже можно простыть... Легче всего простудить ноги... *(Пауза.)* Я всегда верил в мое семейство... Я, можно сказать, гордился им. Да, мы всегда отличались от других... Была привязанность – мы не могли жить друг без друга... и нежность... о которой мы никогда не говорили... Но которую чувствовали... Я всегда ее ощущал... И гордился... Вот и сейчас: других стариков выбрасывают, как груши... из окон, с балконов... даже из кухонных дверей... в то же время меня никто не выбрасывает... Отнюдь... Меня просто вытолкнули, очень осторожно, можно сказать, сыновно, на другую сторону окна... И окно закрылось... Конечно же, с нужным уважением... Просто теперь я нахожусь по другую сторону... А вот для осы, которая ползет по стеклу внутри, другая сторона – та... В конце концов это две стороны одного и того же – окна. Внутри, снаружи – весьма относительно... Все зависит от точки зрения... Оса, наверное, отдала бы все, чтобы очутиться на моем месте... *(Пауза.)*

Главное, что у меня есть право выбора... Могу висеть, могу спрыгнуть... Решаю я... Могу вот так провисеть минут пятнадцать... Или пять... А то и полчаса... Все зависит только от меня... Это и есть свобода, то есть – право выбора. Право решать. У меня оно есть. Следовательно, я свободен. Обдумываю все не торопясь... Взвешиваю все "за" и "против"... и принимаю решение... Все зависит только от меня... Моя судьба в моих руках. Сколько человек могут похвастаться тем, что все зависит от них самих?... От многих не зависит даже получение утренней газеты... *(Пауза.)*

Одна нога начинает мерзнуть... надо было надеть тапочки... С другой стороны, хорошо, что я их не надел... Был бы лишний вес... Примерно, полкилограмма... *(Пауза.)* Что там за крик?... Вдруг заглох... Кого-то выбросили из окна... В соседнем подъезде... Голос вроде знакомый... Правда, звучал он как-то неестественно, можно сказать, тревожно... Но не настолько, чтобы его не узнать... Да, это голос моего друга из подъезда "Б"... Он всегда был экспансивным... В наши годы чрезмерная экспансивность вредна... Наверное, он разволновался, когда распахивали окно... Не смог сдержаться... *(Пауза.)*

Нет, не может быть, чтобы начался дождь, наверное, мне показалось... При абсолютно солнечной погоде... Выходит, никаким прогнозам нельзя верить... Мало того, что я могу простудиться, плохо еще и то, что мокрая одежда тяжелее сухой... Но, с другой стороны, время от времени не мешает освежаться... Немного воды никогда не лишне... Не стоит забывать, что человек на семьдесят пять процентов состоит из воды... Жизнь зародилась в воде... Все, перестал... Наверное, где-то наверху поливали цветы... Открыли окно, и вода из лейки пролилась вниз... А если в комнате находился старик, то он, видимо, разволновался... Когда открывают окно, то даже очень уравновешенный человек не может оставаться спокойным... Ох, ноги отнимаются... И сердце колотится в ушах... Мозги плавятся... Так бывает с теми, кто трудно привыкает... Скажите, а отправлять своих близких в дома для престарелых разве по-людски?.. Жить стало тяжело, молодые не в состоянии заботиться о стариках... Пенсий же хватает на три дня... И, если ты не отставной генерал, то тебе вряд ли выжить... Дети рассуждают иначе, не так, как мы... У них тоже есть дети, которые для них – свои... А еще им всегда некогда... Так разве с их стороны не будет более цивилизованным выбросить меня из окна, чем заставлять мучиться в доме для престарелых... или отравлять жизнь своим близким... Кроме того, выполнять этот закон вовсе не обязательно. Все абсолютно свободны... Каждая семья вольна поступать как ей угодно... Она может выбросить старого человека в окно, а может и не выбрасывать... Вот как моя семья... Меня просто переселили на ту сторону, и теперь я живу по другую сторону окна... *(Пауза.)*

Такое положение, конечно, не может длиться вечно... Но скажите, что в этом мире вечно... Можно ли по вечерам вечно сидеть в кресле в домашних тапочках, перелистывая вечерний выпуск газеты?.. Когда-то этому приходит конец... Зачем же тогда мне тревожиться больше того, другого, что сидит в кресле и покуривает сигару?.. В мои-то годы... И разве не то же самое испытывает акробат, когда идет по канату?.. Он может упасть в любую минуту... А может, и не упадет... Многие канатоходцы служат своему искусству ужасно долго... *(Пауза.)*

К чему в самом деле трудно привыкнуть, так это к однообразию... Один и тот же клочок неба, мозолят глаза две дымовые трубы соседнего дома... шершавая поверхность подоконника... Ни голубей, ни трубочистов... Серый, скучный, мрачный пейзаж... Ничего живого перед глазами... Вниз я не смотрю, ведь человек должен всегда смотреть вперед... Приговоренный к пожизненному заключению, конечно же, видит из окна своей камеры намного меньше... И будет видеть это намного дольше... Причем я ведь в любой момент могу все изменить... Все в моих руках... В самом буквальном смысле... Никогда не допускал, что мои руки способны выдержать так долго... Правда, я их не чувствую и в сущности не знаю, на чем я вишу, ведь до вчерашнего дня я с трудом переворачивал

страницы газеты... Выходит, жизнь по другую сторону имеет свои преимущества... Человек приобретает закалку... Вырабатывает в себе качества, которые впоследствии могут пригодиться ему... в жизни... (Пауза.)

Прелесть жизни порой состоит в том, чтобы ничего не менять... Вишу себе вот так на солнышке, легкое воздушное течение ласкает меня, я прищуриваю глаза... и думаю... А подумав, прихожу к выводу, что воздушное течение не такое уж слабое... Да, оно усиливается... Это уже самый настоящий ветер... как бы там его не называли в прогнозах... Главное, чтобы меня не раскачало слишком сильно... Я ненавижу качание... Мне с детства становилось плохо на разных качелях и каруселях... Ужасно болела голова и тому подобное... Меня качает, как маятник... Из физики я знаю, что амплитуды нарастают... Но зато ветер такой теплый... Продувание, полезное для здоровья... Будто ты в Альпах... летом... Всюду зелено... цветут эдельвейсы... Люблю теплый ветер... конечно, при условии, что он не превращается в ураган... Ненавижу крайности... и в качестве таковых – ураганы... Но я никогда не слышал, чтобы в этой части света зарождались какие бы то ни было ураганы... Безусловно, в условиях повсеместных перемен... какие происходят ежедневно, я не удивлюсь, если сюда залетит какой-нибудь торнадо... Как бы там ни было, климат изменяется медленнее всего... Тайфуны консервативны... Дуть перестало... Видно, это был просто порыв... ветра... Воздух прогревается и увеличивается в объеме... У меня захватывает дух... (Пауза.)

Может, прыгнуть?.. Я люблю полеты... Мои юношеские мечты были всецело поглощены Икаром... Перья, льняные нити, воск... И ты уже летишь к солнцу... В сущности, летать – самая древняя мечта человека... Отец Икара – Дедал, смастеривший крылья, был великим человеком... (Пауза.)

Мечта о полетах... Как я близок к ее воплощению... Не в этом ли и есть счастье – в воплощении мечты?.. А ведь это мечта всего человечества... Высокопарные слова... Все гораздо проще: летишь – и точка... Патетика здесь не нужна... Обойдемся без прилагательных... Мы любое дело способны обречь на провал болтовней... Просто лети... молча... И мечта сбудется... Так!.. Разжимаю пальцы... И лечу...

КАРТИНА ПЯТАЯ

Старик в небе. Синева, прозрачный воздух. Пролетающие облака...

Старик. Нужно ли махать руками?.. Пожалуй, это смешно... Не стоит корчить из себя буреветника... И, чтобы быть чайкой, я уже стар... Вот только не знаю, куда деть руки... Ни скрестить, ни сунуть в карманы... Ноги должны быть вытянуты, это ясно... Я видел, как это делают

альбатросы... Прямые, со слегка растопыренными... пальцами... Только вот у альбатросов есть перепонки...

Да, у каждого свои проблемы... Раз нет перепонки, то хотя бы описывай плавные круги... Не падай камнем... Надо плавно... Интересно, какова плотность окружающего воздуха... На первый взгляд он кажется довольно плотным... Все-таки придется махать руками... теряю высоту... Шире... шире взмахи и ритмичнее... Интересно, как взлетают альбатросы... Получается ли у них с первого раза?.. У меня вот не выходит... Возможно, на них не действует земное притяжение... Скорость массы на квадрат... такова, кажется, формула... О, на меня очень даже действует... *(Пауза.)*

Попробую поймать воздушную струю... чтобы неслась... А так определенно не скажешь, что я лечу... Легко сказать – поймать воздушную струю... Где она?.. У меня складывается впечатление, что все воздушные течения сосредоточены где-то на другом конце света... В одном месте собраны они все, а в других местах их нет и в помине... *(Пауза.)* Ну, довольно философствовать, давай – лети... И нечего пытаться лететь как альбатрос... это уже перебор... можно – как птица помельче... например, ласточка... Ласточки – очень даже симпатичные пташки... И очень полезные... И реют в воздухе точь-точь как я. *(Пауза.)* Только вот рею ли я – это еще вопрос... И куда?.. *(Пауза.)* Как бы то ни было, я лечу на небо... В любом случае... Куда уносятся все... Направление не должно смущать... Это решено изначально... Хуже то, что с полетом не все получается... Да, были бы у меня перепонки... *(Пауза.)*

Ладно, не буду и как ласточка... К черту манию величия... как-никак я пока еще в самом начале полета... Взять, например, воробья... Птица с характером. Летает не ахти как, но как раз сколько нужно... Воробей, в сущности, порхает... Это очень подходит... И мне, сдастся, по силам... Так порхай... Просто порхай – и все будет в порядке.. Не стоит описывать большие плавные круги... или реять... Просто порхай... Это вполне в твоих силах... *(Пауза.)* Ради Бога, делай же что-нибудь, не уподобляйся нелетающей птице... вроде киви... или голубя додо... ты птица настоящая... из мелких... но летающая... Чтобы летать, прежде всего нужен кураж... остальное приложится... Просто почаще взмахивай крыльями... Не рассчитывай на восходящие воздушные течения... Тебе на роду написано попасть в нисходящее... Может, здесь всего одно такое, но ты непременно на него нарвешься... Видимо, я попал в него с самого начала, потому что непрерывно проваливаюсь вниз... Маши же крыльями, черт возьми... Лети... лети... Не падай... *(Пауза.)*

Я лечу!.. Невероятно, но я лечу... Чувствую, что становлюсь легким, как перышко... О Боже... Я держусь в воздухе совершенно стабильно... *(Пауза.)* И в горле какие-то хрипы... Уж не карканье ли это?.. Неужто я оглашу небо своим карканьем?!.. Кар-р-р! У меня мурашки бегут по коже от этого хриплого птичьего крика... вырвавшегося из моего горла... Так

кричат альбатросы... Раздирают воздух от отчаяния и одиночества. Что-то стремительно подхватывает меня и несет вверх... воздушное течение... теплый ветер... выше... еще выше... я даже не машу крыльями... только держу их распластанными... Прощайте!.. Ищите меня на птичьих путях!..

КАРТИНА ШЕСТАЯ

Бедно обставленная комната. На простом деревянном стуле сидит старая женщина. На стене фотографии трех мальчиков. Стол. Шкаф. Это почти вся обстановка.

Старушка. Соседи мои – люди добрые, но у них есть свои старики... Родственники не оставляют их без внимания... Не проходит и дня, чтобы их куда-нибудь не пригласили... Им не до меня... Я к ним не имею претензий... Не могу иметь... Жизнь стала тяжелой... И, если мы хотим быть справедливыми, то это дело нашей местной администрации. А не соседей... Она обязана заботиться о своих гражданах... Для этого мы платим налоги... А нам только пускают пыль в глаза... Одни слова... Обещания... У них всегда не хватает денег... Каждый раз им урезают бюджет... Уже не первый год их социальные службы еле сводят концы с концами... Все одно и то же... (Пауза.) Я человек терпеливый, но чаша терпения уже переполнена... Целых пять лет я состою в списке крайне нуждающихся... Я такая и есть на самом деле... Обещали всех включенных в этот список обслужить в течение двух недель, в крайнем случае – в течение месяца... Бред сивой кобылы!.. Происходит проталкивание своих людей!.. Всегда находятся люди, у которых есть рука в мэрии... Не успеет этот состав облагодетельствовать своих протеже, как уже на носу новые выборы, эта партия терпит поражение, верх берет другая... Она проталкивает своих близких... Дальше терпеть такое невозможно... Ну в какой стране мы живем?! Если ты шишка или у тебя денег куры не клюют, то ты просто покупаешь то, что тебе нужно... И чиновники из мэрии приезжают к тебе в мгновение ока... Да, я – не шишка, что верно то верно... И родители мои не были... В нашем роду не было человека, о котором можно было бы сказать, что он шишка на ровном месте... Ну и что с этого?.. Я честная вдова, человек как многие другие... Этими руками я поставила на ноги троих детей, и никто не может сказать, что они в чем-то нуждались... Разве я виновата, что они все трое уехали в Америку?.. Я хочу одного: чтобы ко мне относились по-человечески – больше мне ничего не надо... (Пауза.) Но в наше время это, оказывается, невозможно... Сегодня процветает неравенство... У кого есть деньги, для того за три дня все готово... А такие как я дожидаются годами... Бедные обречены...

До других никому нет дела... Стоит кому-нибудь добиться, чтобы его сбросили, как он забывает о других... Человечность, если она вообще была, давно испарилась... О морали и говорить нечего... Каждый божий

день из окон выбрасывают десятки стариков, обо мне же забыли... Так что же мне – самой выпрыгнуть?.. Причем сбрасывают и тех, кто намного моложе... Вроде бы существует закон о выбрасывании из окон, но все улаживается благодаря связям... А я сижу и жду... Что придет прекрасный принц и сбросит меня... Подруг моих давно выбросили, я же все жду... Выходит, я последняя наивнячка, раз все еще верю, что наша мэрия выполнит свои обязательства... Только когда она что-нибудь делала для своих налогоплательщиков?.. А у самих-то зарплаты астрономические... Впрочем, так было всегда: одних сбрасывают, других – нет... (*Пауза.*)

В самом деле... что я могу предложить... разве коробку со старыми снимками... Обручальное кольцо... сервизы с выщербленными краями... и семь открыток из Америки... со старыми датами... А то подожду, вдруг вернется кто-нибудь из детей... Хотя вряд ли... Вот уже несколько лет от них нет вестей... Но, может, все же... Того и гляди, они возвратятся к Рождеству... Они ведь тоже состарились... Будет падать снег... все вокруг будет белым-бело... И они приедут... По крайней мере один... Господи, как это будет прекрасно!

И меня сбросят!..

Старая женщина продолжает предаваться мечтам, всматриваясь во времена, которые уже прошли или которые наступят. Свет постепенно меркнет, силуэт женщины тает в сгущающемся сумраке подобно снегу, который она видит в своих мечтах...

Занавес